

М. И. Исаев. О языках народов СССР. М., 1978, 222 с.

Книга М. И. Исаева состоит из двух неравных частей. В первой части, составляющей примерно треть общего объема книги, подробно и квалифицированно рассматриваются проблемы национально-языкового строительства, культурной революции в СССР (гл. I) и языкового развития в многонациональном советском государстве на современном этапе (гл. II). Наряду с изложением основ ленинской национально-языковой политики в ней освещаются конкретные вопросы языкового строительства; расцвет национальных языков рассматривается как составная часть культурной революции и закономерность национального развития при социализме.

Много внимания автор уделяет созданию новых алфавитов для десятков старописьменных и младописьменных языков (латинизация, переход на русскую графику).

В книге показаны не только взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР и выделение языка межнационального общения в процессе создания новой исторической общности — советского народа, но и становление общего интернационального лексического фонда. Формирование и развитие этого фонда рассматривается и теоретически, и конкретно на многочисленных примерах. Интересно и правомерно замечание автора о непрерывности процесса языкового строительства, обусловленного непрерывностью процесса национального развития (с. 70).

В книге неоднократно подчеркивается ленинский принцип абсолютного равноправия всех народов и их языков. При этом автор ссылается на ст. 34 новой Конституции СССР (с. 5). Думается, однако, что для социолингвистического исследования этого недостаточно. Интересно было бы показать, как отражено равноправие языков в законодательстве, в том числе в конституциях союзных и автономных республик. Известно, например, что в Конституции Грузинской ССР (а ныне и в Конституциях Абхазской и Аджарской АССР) всегда существовало понятие государственного языка, тогда как в конституциях других республик определяются только языки, на которых публикуются законы. В новой Конституции самой многонациональной республики — Дагестанской АССР — в соответствующей статье перечислено 10 языков (семь письменных дагестанских языков, русский, азербайджанский и чеченский).

Автор пишет о различных функциональных уровнях употребления языков и в вопросах их функционального развития в теоретическом плане, а также рассматривает этот вопрос на примере языков иранской группы (с. 62—64). Представляется, что и здесь уместны были бы конкретные сведения об употреблении языков. В книге говорится о наличии в СССР 130 языков. По последним данным («Правда» 1 июня 1978 г.) школьное обучение ведется на 57 языках. Число языков, на которых ведется обучение в вузах и издается научная литература, по-видимому, раза в 3 меньше. За годы Советской власти создана письменность на 50 языках (с. 65). Читателю было бы интересно знать, на каких языках ведется обучение в школе, вузе, издаются книги и газеты, ведутся радиопередачи. В частности, из текста неясно, как обстоит дело с языками малочисленных народностей Севера, Дальнего Востока и некоторых других народов (татов, дунган — см. таблицу на с. 21).

Примерно две трети книги занимает глава III («Народы и языки Советского Союза»), к которой примыкает алфавитный словарь языков (с. 217—220). В значительной своей части, а иногда и текстуально, она повторяет содержание соответствующей части книги М. И. Исаева «Сто тридцать равноправных»¹, изданной в той же серии в 1970 г. В рецензируемой книге добавлены только главы о классификации языков (с. 71—79) и о так называемых национальных группах. Здесь приводятся сведения не только о языках, но и о расселении народов СССР — носителей этих языков. Конечно, имеются и другие сводки такого рода, изданные в 70-е годы. Но они либо очень кратки (главы в справочнике)², либо вышли небольшим тиражом³. Материалы переписей 1959 и 1970 гг. мало доступны массовому читателю. Между тем рецензируемая книга издана тиражом 80 тыс. экз., и именно к ней будет обращаться много любознательных людей — школьников старших классов, студентов, пропагандистов, учителей и т. д.

К сожалению, именно эта III глава вызывает целый ряд критических замечаний, поскольку она полна неточностей, небрежно отредактирована, к тому же автор несколько вольно обращается со статистическими данными.

Очень часто говорится о численности отдельных народов без указания года переписи или оценки («в настоящее время»), что приводит к разнобою и путанице. Это относится прежде всего к сведениям о классификации языков мира (таблица на с. 76), к освещению вопросов о численности и расселении за пределами СССР курдов, белуджей, уйгуров, узбеков, туркмен, хуэйцзу и других народов. Здесь приводятся оцен-

¹ М. И. Исаев. Сто тридцать равноправных. М., 1970.

² «Население СССР». М., 1974; «Народонаселение стран мира». М., 1974.

³ В. И. Козлов. Национальности СССР. М., 1975.

ки «Атласа народов мира» на 1961 г. и даже значительно более ранние (по уйгурам — на 1953 г.). Между тем уже опубликованы и широко известны оценки на 1967 г. по языковым семьям («Народонаселение стран мира») и 1975 г. по отдельным народам⁴. Какой бы ни взят год оценки, указанная на с. 89 численность таджиков за рубежом (свыше 5 млн.) явно преувеличена, тем более что здесь же указана их численность в Афганистане — свыше 2 млн. 700 тыс. (в действительности 3,5—4 млн.), а больше нигде значительных групп таджиков нет. Сомнительным выглядит утверждение, что 300 тыс. грузин были выведены из Грузии в Иран шахом Аббасом I в начале XVII в. (с. 180).

Когда автор переходит к народам СССР, то в одних случаях их численность округляется до миллионов, а в других — приводится с точностью до единицы, причем этот разный подход порой встречается в одной фразе. Так, на с. 85 говорится, что свыше 35 млн. украинцев проживают в Украинской ССР и свыше 3 млн. — в РСФСР (точнее 35 283 тыс. и 3346 тыс.) и тут же: «в Казахстане — 933461, в Молдавии — 506560» и т. д. В то же время округляется до тысяч численность очень небольших народностей и национальных групп, например, алеутов. Численность и удельный вес коренных народов в союзных и автономных республиках и областях иногда указываются, а иногда нет, хотя эти данные очень существенны для характеристики расселения народов.

Наблюдается разницей в приведенных сведениях о народах СССР, потому что нередко без изменения и без оговорок в рецензируемую книгу перенесены из издания 1970 г. данные переписи 1959 г. или более ранние, тогда как в большинстве случаев использованы материалы предпоследней переписи. На с. 34 без указания года говорится, что в своих республиках — узбеки составляют 62,2% населения, таджики — 53,1%, киргизы — 40,5%, туркмены — 60% (точнее — 60,9%), казахи — 29,6%. А в дальнейшем изложении (с. 112, 89, 118, 121) приводятся уже другие данные, относящиеся к переписи 1970 г., но снова без указания года. На с. 109 утверждается, что на языках тюркской языковой семьи в СССР говорит около 25 млн. чел. Но очень легко подсчитать, что на 1970 г. эта цифра превышает 30,5 млн. чел. (по родному языку).

На с. 110, снова без указания года, определяется численность урумов, т. е. греков, говорящих на турецком языке, в 104 тыс. чел. По-видимому, это данные 1926 г., поскольку уже по переписи 1959 г. зафиксировано всего 28 тыс. греков с родным тюркским (азербайджанским) языком, а перепись 1970 г. зарегистрировала в Грузии около 27 тыс. греков с родным языком иным, чем греческий, русский и грузинский. Эскимосов в СССР не около 1,8 тыс. (с. 206), а 1,3 тыс., в Азербайджане живет не «около 100 тыс.» лезгин (с. 195), а более 137 тыс.

Имеются в книге и прямые ошибки. Нетрудно проверить или подсчитать по материалам переписи 1970 г., что показали родным языком русский не 563 тыс. башкир (с. 126), а 56,3 тыс., и не 203 тыс. поляков (с. 210), а 242 тыс., что в Мордовской АССР живет не 608,8 тыс. русских (с. 160), а 606,8 тыс. В Молдавии насчитывается не 100 тыс. гагаузов (с. 134), а около 125 тыс. Родной алеутский язык сохранился не у 50 алеутов (с. 207), а у 96 и т. д. На с. 145 сказано, что 12,8% караимов считают родным языком караимский, свыше 11% — русский и приблизительно 21,4% — другие языки. На самом деле это соотношение иное — соответственно 12,8%, 82,1% и 5,1%.

Встречается большое число неточностей и пробелов при характеристике расселения и этногенеза отдельных народов, а также этнографических групп в их составе. Так, на с. 110 читаем: «В первую группу (тюркских языков.— Б. С.) входят языки тюркских народов, проживающих в западных областях Литвы, Украины (включая Крым) и на юге Молдавии». Но в Литве не существует «западных областей», Крым не относится к западным областям Украины. Да и стоит ли писать об обширных районах расселения, если речь идет о трех-четыре города, где живут караимы. На с. 108 сказано: «Немцы в СССР в большинстве своем являются потомками колонистов, переселившихся в Россию в XVIII—XIX вв. и заселивших некоторые степные районы Южной Украины, Северного Кавказа и Поволжья, а также Прибалтики и Северного Казахстана». Но в Прибалтике немцы поселились задолго до ее присоединения к России и выехали оттуда накануне Великой Отечественной войны, к тому же этот район не находится в степной зоне. Зато следовало упомянуть юг Западной Сибири. На с. 123 читаем: «Казанские татары делятся на татар-мишаров (мещеряков), так называемых кряшенных (обращенных в христианство) и нагайбаков». Названные здесь, к тому же неточно, подразделения — это всего лишь небольшие этнографические группы внутри татарского народа. Неточно или односторонне освещаются гипотезы о происхождении татар (с. 123) и гагаузов (с. 134). Вряд ли правильно писать, что «башкиры широко расселены по всей стране» (с. 126), что грузины, которых в Азербайджане всего 13,6 тыс., «занимают три западных района» этой республики (с. 179—181). Неточно утверждение о «небольших группах» карелов в Калининской области (с. 155), где живет более четверти карельского народа.

Очень много неточностей в небольшой главке «Национальные группы» (с. 209—211). Так, около третьей части поляков в СССР (383 из 1168 тыс.) живет в Белоруссии, но она даже не названа среди районов их расселения. На Украине поляки живут

⁴ С. И. Брук. Этнодемографическая ситуация в послевоенном мире (изменения в этническом, расовом и религиозном составе населения).— «Сов. этнография», 1976 № 3.

большей частью не в западных областях, а в Хмельницкой и Житомирской. Среди районов расселения греков названа лишь Украина. Но в УССР живет 107 тыс. из 337 тыс. греков (32%), в Грузии — 89 тыс. (свыше 26%), в РСФСР — еще 58 тыс. (17%). Невразумительно написано «о греках-татарах» и «греках-эллинах» в Крыму (с. 211). Из районов расселения болгар в СССР названы Кировоградская и Николаевская области, Северный Кавказ и Казахстан, где болгар очень мало, но не упомянута Молдавия, где живут 74 тыс. болгар из 351 тыс. Румыны на Украине живут не в Черниговской области (с. 211), а в Черновицкой.

При характеристике национальных групп указывается лишь доля лиц, считающих родным язык своей национальности, и доля лиц, владеющих русским языком. Остается неясным, какой же язык является родным для основной части греков, чехов и словаков, примерно половины поляков и трети немцев, болгар и румын, живущих в СССР.

Нельзя обойти также многочисленные опечатки в тексте книги, которые искажают смысл, и не всегда читатель может догадаться о правильном чтении термина, названия, имени. По-видимому, на с. 150 речь идет не об эвенках, а об эвенах, на с. 25 — о русско-ненецком словаре, а не русско-немецком. Самоназвание балкарцев в переводе на русский язык — «горцы», а не «торцы» (с. 133). Мегрело-чанский язык на с. 179 назван мегрело-ганским, якобитское вероисповедание — «якобинским» (с. 209). Газета «на диалекте уфимских марийцев» вряд ли могла издаваться в Бийске (с. 163), т. е. в Сибири; возможно, имеется в виду Бирск. К сожалению, список опечаток можно продолжить: на с. 106 — «кагап» вместо «кагал», на с. 147 — «Намоараев» вместо «Намсараев», на с. 111 — «крагасы» вместо «карагасы», на с. 163 — «уркумский» диалект вместо «уржумский» и т. д.

Как это ни удивительно, ряд опечаток перекочевал из издания 1970 г.

Такое количество неточностей и ошибок в III главе, при всех достоинствах первой части книги, не может не снизить ее научное и познавательное значение.

Б. П. Супрунович

Н. А. Томилов. Современные этнические процессы среди сибирских татар. Отв. редактор И. С. Гурвич. Томск, 1978, 208 с.

Современные этнические процессы, развивающиеся в условиях научно-технической революции, привлекают все большее внимание представителей различных социальных дисциплин, в первую очередь этнографов и социологов. Изучение этнических процессов тесно связано с применением достаточно сложного математического аппарата для анализа как состояния этноса в целом, так и отдельных его компонентов. Если до недавнего времени рассматривались преимущественно вопросы о том, каковы природа и пути развития этнических процессов, то теперь появилась возможность измерить уровни происходящих изменений в структуре различных этносов на протяжении их существования. Анализ этих изменений носит ярко выраженный количественно-качественный характер при строго историческом подходе к этносу как системе. Такое разностороннее изучение этнических процессов позволило подойти к созданию сводной монографии, посвященной современным этническим процессам в СССР и уже выдержавшей за сравнительно короткий период два издания¹.

Однако различные типы современных этнических процессов еще недостаточно четко дифференцированы, что, несомненно, затрудняет дальнейшее конкретное изучение их содержания и сущности. Между тем это особенно необходимо на современном этапе, когда интенсивность этнических процессов в нашей стране в условиях развития новой исторической общности — советский народ — неуклонно возрастает. В рамках этой общности все больше аккумулируются интернациональные черты, и на базе межэтнической интеграции происходит взаимодействие социалистических наций и народностей, ведущее к появлению некоторых общих характерных черт у разных этносов.

Несомненный интерес для плодотворной разработки ряда вопросов типологии современных этнических процессов представляет книга сибирского этнографа Н. А. Томилова «Современные этнические процессы среди сибирских татар».

Сибирские татары до настоящего времени остаются в этнографическом плане одним из наименее изученных народов Сибири, хотя в их географическом размещении с момента присоединения Сибирского ханства к России существенных изменений не произошло. Численность татарского населения на основной территории коренных сибирских татар в пределах современной Тюменской, Томской, Омской, Новосибирской и Кемеровской областей в переписях населения обычно дается суммарно, т. е. без выделения собственно сибирских татар. В 1970 г. она составила уже 191,2 тыс. чел., в то время как численность коренных сибирских татар в средней лесостепной полосе Западной Сибири определяется в настоящее время специалистами около 100 тыс. чел. Усилиями лингвистов-тюркологов проведено лишь сравнительно полное описание языка различных территориально-этнических групп этих татар.

¹ См. «Современные этнические процессы в СССР». М., 1977.